

Истоки билингвизма в Беларуси и Украине

Всеволод ШИМОВ,
кандидат политических наук

Ситуация, связанная с фактическим существованием в Беларуси и Украине двуязычия, является закономерным итогом исторического пути, которым шло развитие и формирование двух народов. Тем не менее споры о статусе языков и их роли в обществе ведутся на протяжении многих лет, если не сказать веков, и не утихают по сей день, становясь в отдельных случаях источником политической и социальной напряженности.

Широкое использование русского языка наряду с национальным характерно для современного белорусского и украинского общества. По данным последней переписи населения Беларуси (2009), 70 % этнических белорусов указали русский как разговорный дома [1]. По данным украинских социологов, в качестве основного обиходного языка указывают русский или преимущественно русский 46 % респондентов (у украинского языка этот показатель 38 %). Еще 16 % в качестве языка бытового общения назвали смешанный русско-украинский язык («суржик») [2]. Традиционно подобная популярность русского языка объясняется последствиями русификации белорусов и украинцев в период их пребывания в составе Российской империи и СССР.

По итогам референдума, прошедшего в Беларуси в 1995 году, русский язык получил статус государственного наравне с белорусским. В Украине предложение о придании русскому языку официального статуса до сих пор является предметом острых политических дискуссий. Сложная языковая ситуация в наших странах подтверждает, что история русско-белорусского и русско-украинского двуязычия нуждается в новых исследованиях.

Складывание современных национальных языков в Беларуси и Украине происходило по историческим меркам относительно недавно – в Новое время – и связано с процессами демократизации политической жизни, когда широкие народные массы оказались вовлеченными в управленческие процессы в рамках национального государства [3]. Это, в свою очередь, вызвало потребность в универсальном стандартизированном языке. До Нового времени, когда власть концентрировалась в руках аристократического меньшинства, а широкие народные массы были отстранены от политического управления и, более того, оставались по преимуществу неграмотными, необходимость в стандартизированном универсальном языке отсутствовала. Возникла ситуация, когда в разных социальных нишах использовались разные языки. Разговорные диалекты, на которых говорил простой народ, считались непрестижными и отличались слабой литературной и письменной обработкой. В качестве «высокого» письменного языка при этом использовался, как правило, язык церковного богослужения: в католическом мире – латынь, в православной Руси – церковнославянский. Это были мертвые, то есть вышедшие из разговорного обихода, или искусственные языки, не привязанные к местной этноязыковой стихии. Вместе с тем они отличались универсальностью и в рамках религиозной конфессии создавали единое коммуникационное поле поверх этноязыковых границ. На этих языках велись церковные службы, писались богословские трактаты и жития святых. Помимо религиозной, они обслуживали сферу государственного делопроизводства. В средневековой Евро-

ОБ АВТОРЕ

ШИМОВ Всеволод Владимирович.

Родился в 1983 году в Гомеле. В 2005 году окончил БГУ, в 2009 году – аспирантуру этого вуза. С 2010 года – доцент кафедры политологии БГУ.

Кандидат политических наук (2009), доцент.

Автор около 15 научных публикаций.

Сфера научных интересов: теория цивилизаций, этнополитические процессы в восточнославянском мире.

пе латынь была основным языком правовых актов и политических договоров и стала вытесняться национальными языками только в эпоху Возрождения. В Венгрии латынь оставалась официальным языком вплоть до 1840 года. Знание «высокого» письменного языка долгое время оставалось привилегией аристократического сословия.

Становление национальных языков было связано с вытеснением мертвых, «сакральных» языков письменностью, основанной на разговорной речи. Задачей национального литературного языка является унификация языкового пространства, а значит, стирание или как минимум сглаживание диалектных различий, существующих внутри любого этноса. Таким образом, появление стандартизированных языков выявило проблему соотношения литературной нормы и диалекта. В донациональную эпоху диалектное разнообразие не было проблемой, так как отсутствовала необходимость языкового единства всех социальных слоев и регионов государства. Появление общеобязательного языкового стандарта, как письменного, так и устного, противопоставило «эталонный» литературный язык диалектам, которые стали «отклонениями» от нормы. И если дистанция между литературным языком и диалектами была невелика, то это не вызывало особых вопросов. Но когда литературный стандарт претендовал на доминирование над диалектами, отстоящими от него в лингвистическом плане достаточно далеко, возникала дилемма, что считать отдельным языком, а что – диалектом. Создавалась почва для политических конфликтов на языковой основе, когда статус того или иного наречия становился яблоком раздора между сторонниками включения его в состав более крупного национально-языкового пространства на правах диалекта и сторонниками его обособления в качестве отдельного языка. В последнем случае носители диалекта получали возможность претендовать на статус отдельной нации с правом создания собственного государства.

В восточнославянском мире в Новое время языковой конфликт достиг значительных масштабов и драматизма. Собственно, именно в Новое время, в период формирования наций вопрос о соотношении и статусе восточнославянских наречий был впервые поставлен со всей определен-

ностью. Дело в том, что со времен Киевской Руси для всех восточных славян была характерна этноязыковая идентификация, связанная с представлениями о себе как о «Руси», «русском народе», а о своем языке – как о «русском». Необходимо отметить, что до Нового времени эта «русская» идентификация не была национальной в современном смысле слова. «Русскость» была связана с понятием «русской веры» – православия, пришедшего на восточнославянские земли во времена Киевской Руси и принесшего с собой особый язык богослужения – церковнославянский. «На стыке» церковнославянского и местных диалектов сложился особый «светский» письменный язык – древнерусский, на котором писались правовые акты, составлялись летописи, а также создавались произведения зарождавшейся светской литературы (наиболее яркий пример – «Слово о полку Игореве»). Этот язык был общим для всех восточных славян, и на его основе со временем мог сложиться общий национальный язык.

Однако после падения Древней Руси под ударами монголо-татарской орды в XIII веке и вхождения восточнославянских земель в состав разных государственных образований – ВКЛ, Речи Посполитой, Московского государства, языковые процессы у восточных славян проходили не одинаково. Письменный язык Западной Руси, оказавшейся под властью Литвы и Польши, развивается на белорусско-украинской диалектной основе и испытывает все возрастающее влияние со стороны польского языка, прежде всего в лексическом плане. Язык Московской Руси базируется на великорусских диалектах. В отличие от Западной Руси, где позиции православной церкви были ослаблены под натиском польско-католической экспансии, письменный язык Москвы по-прежнему был под сильным воздействием церковнославянского.

К XVII–XVIII векам языковые различия внутри восточнославянского мира уже осознавались отчетливо. Жители Западной Руси отличали свой «русский» от языка восточных соседей, который определялся как «московский». Внутри западнорусского ареала также шла дифференциация между белорусскими и украинскими диалектами, в результате чего к XVII веку в Украине язык белорусов иногда стал определяться как «литовский». Со своей стороны, жители

Московской Руси называли западнорусский язык «литовским», или «белорусским», причем этими определениями характеризовался язык всех жителей Западной Руси, без разделения на украинцев и белорусов. С присоединением к России Левобережной Украины великороссы начинают выделять украинские говоры как отдельное явление, обозначая их как «малорусское» наречие или язык; термин «белорусский язык» окончательно закрепляется в понимании, приближенном к современному.

Вместе с тем каждая группа восточных славян продолжала считать свой язык русским, а внутривосточнославянские языковые различия не были четко концептуализированы. Концептуализация начинается в XIX веке, когда происходят процессы становления национального сознания и возникает необходимость в выработке единообразного языкового стандарта, что предполагало четкие представления о соотношениях и статусах восточнославянских наречий.

XIX век характеризуется выраженным политико-культурным доминированием великороссов в восточнославянском мире. Россия «собрала» в своем составе практически все земли исторической Руси (за исключением Галиции и Закарпатья, оказавшихся под властью Австрийской империи); в XVIII–XIX веках на великорусской диалектной основе формируется современный русский литературный язык.

Западнорусская (белорусско-украинская) языковая традиция, напротив, под натиском полонизации переживает упадок и к XVIII веку практически прекращает свое существование. Письменный западнорусский язык, с одной стороны, вытесняется польским, основным языком «высокой» культуры Речи Посполитой, ставшим родным для ополченной западнорусской аристократии. С другой стороны, остатки православной элиты, сохранившей «русское» сознание, все больше ориентировались на «московскую» литературно-языковую традицию. Это было связано с рядом обстоятельств. В православной среде сохранялись представления о Руси как о конфессиональном и этнокультурном единстве восточных славян, что вполне допускало идею единого для всех национального языка. По мере экспансии польско-католической культуры и унии Московское царство начало закономерно рассматриваться православными

западнорусскими элитами в качестве защитника и покровителя. Кроме того, Московская Русь не испытала столь мощного инокультурного влияния, как западнорусские земли. Несмотря на несколько столетий монголо-татарского ига, на культурно-языковой ситуации северо-востока Руси это практически не сказалось. Татары не навязывали русским своей культуры, поэтому язык Московской Руси продолжал развиваться в русле традиции, заданной в древнерусский период, пополнив свою лексику крайне незначительным числом тюркских слов. Это составляло разительный контраст с Западной Русью, где польская религиозная и культурная экспансия привела к массивной инфильтрации в язык полонизмов, и говорило в пользу московской языковой традиции как более «чистой» и эталонной для православных Западной Руси. К XIX веку культурно-языковое лидерство великороссов было очевидным, поэтому именно их язык стал восприниматься как общевосточнославянский и общерусский.

Русофильские тенденции были характерны и для «белого» униатского духовенства, сохранявшего «русскую» идентификацию и стремившегося сохранять православную обрядовость и церковнославянский литургический язык. Сопrotивляясь полонизации и латинизации, многие униаты приходили к идее о необходимости расторжения унии и возвращения в православие. Именно по инициативе униатов-русифилов во главе с Иосифом Семашко была осуществлена ликвидация унии в Российской империи. Из рядов потомков униатского священства на белорусских землях вышло немало представителей западнорусизма – движения, утверждавшего принадлежность белорусов к «триединому русскому народу».

Примечательно, что идея общерусского национально-языкового единства получила поддержку и среди униатов Галиции и Закарпатья в составе Австрийской империи. Там уния не только не была ликвидирована, но и переход униатов в православие не приветствовался. Как отмечает современный российский историк А. Миллер, «в XIX веке настолько значительная часть униатских священников была в лагере русофилов, что Вена и Ватикан в начале 1880-х годов были вынуждены организовать тотальную чистку униатского духовенства и провести реформу местных семинарий» [4]. О роли униат-

ской церкви в зарождении русского движения в Галичине писал и непосредственный его участник О. Мончаловский: «Именно в русской церкви, хотя и униатской, и среди ее верных, под соломенными крышами, тлела искра национальной мысли; церковь отделяла русский народ не только от костела, но и от польской национальности, церковь сохраняла русский язык и русское письмо и оберегала национальные предания» [5].

На западной Украине в конце XIX – начале XX века действует целая сеть русофильских организаций и обществ (Ставропигийское братство во Львове, Общество имени А. Духновича, Общество имени М. Качковского), ведущих издательскую и просветительскую деятельность на языке, приближенном к русскому литературному. Русофильское движение на этих землях, воспринимаемых ныне как оплот украинского национализма, сохранялось и в первой половине XX века. Оно понесло тяжелый урон от репрессий со стороны австрийских властей во время Первой мировой войны и окончательно утало после присоединения этих земель к советской Украине [6].

Вместе с тем в XIX – начале XX века на белорусских и украинских землях все еще сохранялась социально-языковая стратификация, а унифицированное национально-языковое пространство не сложилось. Русский язык был языком сугубо городским – языком администрации и образованного слоя, в первую очередь – русофильски настроенной интеллигенции и духовенства. На бытовом уровне среди основной массы крестьянского населения продолжали хождение местные разговорные диалекты, сохранявшие как сугубо местные языковые особенности, так и пласт привнесенной польской лексики. Дистанция между этими диалектами и русским литературным языком, выработанным на преимущественно великорусской основе, была очевидна всем. Именно поэтому идея национального единства восточных славян нашла воплощение в форме «триединого русского народа», состоящего из трех диалектных групп – великорусов, белорусов и малорусов (украинцев). Такое диалектное членение русского языка было, в частности, отражено во Всероссийской переписи населения 1897 года.

Сторонники общерусского единства относились к факту существования белорусских и украинских говоров вполне то-

лерантно, рассматривая их как местную специфику, обогащающую русское культурное разнообразие. Более того, ими допускалась ограниченная литературная обработка местных наречий и использование их в разных сферах общественной жизни (школа, СМИ). Многие ученые общерусских взглядов внесли значимый вклад в изучение белорусской и украинской этнографии и языковых особенностей – достаточно вспомнить труды Е. Карского по

белорусской лингвистике. В то же время русофилы ориентировались на русский как на основной язык «высокой» национальной культуры, к которому со временем будут приобщены массы белорусского и украинского крестьянства.

В противовес общерусской модели национально-языкового строительства, основанной на «экспансии» русского языка в народные массы, среди части местной интеллигенции возникает альтернативная концепция, ориентированная на крестьянские разговорные диалекты и создание на их основе полноценной национальной культуры. Белорусские и украинские диалекты возвышались до статуса национальных языков – равных русскому. Как следствие, возникала ситуация конкуренции за роль доминирующего языка для белорусов и украинцев.

Таким образом, в восточнославянском мире в XIX веке наметились две основные модели национально-языкового строительства. В соответствии с первой, восточнославянские наречия представляют собой единый язык с общим литературным стандартом, белорусским и украинским говорам отводится статус диалектов. В соответствии со второй моделью, белорусские и украинские говоры представляют собой самостоятельные языки, выступающие на равных с русским, а белорусы и украинцы, соответственно, являются отдельными восточнославянскими народами.

Обе эти модели строились на принципиально разных философиях национально-языкового строительства. По мнению О. Неменского, в первом случае за основу бралась «высокая» городская русскоязычная культура, которая по мере складывания механизмов национальной солидарности должна была стать основой коммуникации между всеми социальными группами «большой русской нации» – речь шла о «демократизации» аристократической городской культуры и языка. Во втором же, напротив, на основе «низких» разговорных диалектов простого народа создавалась национальная культура, происходила «аристократизация» «низкого» языка, когда считавшийся просторечным диалект должен был стать языком изящной словесности, искусства, науки и т.п. [7]. Возникновение столь разных культурно-языковых ориентаций не могло не привести к их столкновению и противостоянию.

Первоначально идея белорусской и украинской национально-языковой самостоятельности развивалась в рамках «русского» дискурса, скорректированного в том смысле, что белорусы, великорусы и малорусы-украинцы являются не триединым русским народом, а тремя русскими народами, а белорусский, великорусский и украинский – тремя самостоятельными русскими языками. В отличие от сторонников общерусского единства, считавших этноязыковые различия восточных славян несущественными, сторонники национально-языкового обособления белорусов и украинцев указывали на то, что белорусско-украинская (западнорусская) языковая традиция слишком долго развивалась обособленно от великорусской, в принципиально ином культурно-историческом контексте (тесная связь с Польшей). А значит, белорусы и украинцы являются носителями самостоятельной национально-языковой идентичности.

А. Ефименко в книге по истории Украины, опубликованной в начале XX века, пишет: «Русский народ, русская история», говорим мы и не хотим знать или забываем, что на свете не одна русская народность и не одна русская история. Русский народ делится на две больших отрасли: севернорусскую, или великорусскую, и южнорусскую, или малорусскую, украинскую. Каждая из этих двух русских народностей жила в прошлом своей собственной жизнью, имела свою самостоятельную историю (о третьей ветви русского народа – белорусах – мы не упоминаем, так как она слишком мало жила самостоятельной политической жизнью и не имела своей истории). Эти две русских истории очень не похожи одна на другую, хотя, казалось бы, между северноруссами и южноруссами нет большой разницы. Уж очень различно сложились исторические судьбы двух половин так разросшегося русского племени» [8, с. 3–4].

Сходных взглядов придерживался и белорусский поэт М. Богданович. Только, в отличие от А. Ефименко, о белорусах он пишет как о полноценном и самостоятельном субъекте русской триады [9]. Однако ситуация постоянной конкуренции с русским языком, необходимость подчеркивать и обосновывать самостоятельность и самодостаточность белорусского и украинского языков вела к тому, что идея «русскости» как некоего общего атрибута восточных

славян постепенно отходила на дальний план, а в наиболее радикальных версиях белорусского и украинского национализма и вовсе была поставлена под сомнение.

Полемика между идеологами общерусского единства и белорусскими и, в первую очередь, украинскими языковыми партикуляристами стала значимым явлением общественно-политической жизни России рубежа XIX–XX веков. Свою позицию сторонники общерусского единства аргументировали тем, что русский к началу XX века сложился как развитой национальный язык, за которым стояла мощная культурная традиция европейского уровня. Вхождение в пространство «высокой» русской культуры виделось ими как благо для белорусского и украинского народов, в то время как «замыкание» в собственной языковой «скорлупе» обрекало его на культурное отставание [10].

Сторонники же белорусской и украинской языковой самостоятельности обосновывали свое мнение тем, что культурный потенциал народа в полной мере может раскрыться только на родном наречии. Так, критикуя преподавание на русском языке в белорусских школах, М. Богданович в 1914 году писал: «Устраняя белорусскую речь из школы, мы ведем к растрате громадной, многовековой духовной работы целого народа, сбиваем мысль ребенка с привычных психологических тропинок и грубо урезаем его душевный мир» [11].

Реальная ситуация развивалась по промежуточному сценарию между этими двумя крайними позициями. После Октябрьской революции национальным активистам удалось добиться оформления белорусской и украинской государственности в форме союзных республик в составе СССР. Белорусский и украинский литературные языки получают мощный импульс к развитию, а общерусская идеология осуждается как «шовинистическая». В то же время выясняется, что жесткий языковой партикуляризм, проповедуемый многими радикальными националистами, так и не прижился на уровне массового сознания. Русский язык, как средство межнационального общения и «традиционный» язык городской культуры, занял доминирующие позиции в городах Беларуси, юго-востока и, в значительной мере, центра Украины. В ходе индустриализации и урбанизации, вызвавшей массовую миграцию

белорусских и украинских крестьян в города, переход с «сельских» говоров на «городской» русский язык протекал безболезненно и незаметно. Более того, можно утверждать, что на бытовом уровне отсутствовало четкое разграничение между русским языком, с одной стороны, и белорусскими и украинскими говорами – с другой. Об этом, в частности, свидетельствует широкое распространение смешанных просторечий – «трасянки» и «суржика». В то же время сложилась традиция «высокой» городской культуры на белорусском и украинском языках, которой, однако, не удалось занять монопольное положение (за исключением западной Украины) и вытеснить из широкого бытового употребления русский язык. Сосуществование в национальных пространствах Беларуси и Украины двух языковых систем требует выработки некоего баланса между ними, найти который все же оказывается не просто, что порождает определенную политическую напряженность. В первую очередь это касается Украины, где вопрос языков остается одной из болезненных тем с момента провозглашения независимости. ─

ЛИТЕРАТУРА

1. Перепись населения Республики Беларусь 2009 г. Население по национальности и родному языку // Национальный статистический комитет Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://belstat.gov.by/homep/ru/perepic/2009/vihod_tables/5.8-0.pdf. – Дата доступа: 16.06.2011.
2. Шульга, Н. Языковые реалии украинского общества / Н. Шульга // Украина. Информационно-аналитический мониторинг Института стран СНГ. – 2008. – № 7. – С. 48–53.
3. Хобсбаум, Э. Все ли языки равны? Язык, культура и национальная идентичность / Э. Хобсбаум // Belintellectuals [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://belintellectuals.eu/publications/78/>. – Дата доступа: 13.02.2013.
4. Миллер, А.И. Дуализм идентичностей на Украине / А.И. Миллер // Отечественные записки [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.strana-oz.ru/2007/1/dualizm-identichnostey-na-ukraine>. – Дата доступа: 13.07.2012.
5. Мончаловский, О.А. Литературное и политическое украинофильство / О.А. Мончаловский // Украинские страницы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.ukrstor.com/ukrstor/monczalowski_ukrainofilstwo.html. – Дата доступа: 23.03.2010.
6. Пашаева, Н.М. Очерки русского движения в Галичине XIX–XX вв. / Н.М. Пашаева. – М., 2001. – 201 с.
7. Неменский, О.Б. Национализм городской и сельской / О.Б. Неменский // АПН [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.apn.ru/publications/article22868.htm>. – Дата доступа: 20.02.2013.
8. Ефименко, А.Я. История Украины и ее народа / А.Я. Ефименко. – Санкт-Петербург, 1907.
9. Багданович, М. Кто мы такі? / М. Багданович // Вольная Беларусь. – 1918. – № 14. – 21 красавіка.
10. Струве, П.Б. Общерусская культура и украинский партикуляризм. Ответ Украинцу / П.Б. Струве // Русская мысль. – М., 1912. – Год тридцать третий, кн. III. – С. 65–86.
11. Богданович, М. Голос из Белоруссии. К вопросу о белорусской и великорусской речи в местной школе / М. Богданович // Архивы Беларуси [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://archives.gov.by/index.php?id=680325>. – Дата доступа: 25.02.2013.